

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Рыдванская Л. Д. Коллекция В. Ганки в фондах ЦНБ Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина как отражение русско-чешских связей чешского Возрождения (обзор) // Біографістика в контексті сучасних історичних та історіографічних досліджень: Харківський історіографічний збірник. – Харків: НМЦ “СД”, 2003. – Вип. 6. – С. 164 – 173.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Л. Д. РЫДВАНСКАЯ

**КОЛЛЕКЦИЯ В. ГАНКИ В ФОНДАХ ЦНБ
ХАРЬКОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. Н. КАРАЗИНА
КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ЧЕШСКИХ СВЯЗЕЙ
ЧЕШСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (ОБЗОР)**

Среди славянских ретроспективных коллекций Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина определенный интерес вызывает сравнительно небольшая (всего 26 экз.) коллекция Вячеслава (Вацлава) Ганки (выдающегося деятеля чешского национального возрождения, знаменитого слависта и панслависта), которую приобрел за границей в 1860 г. профессор русской словесности Харьковского имп. Университета П. А. Лавровский. Характеризовать коллекцию следует, во-первых, бесспорно в свете идей чешского Возрождения и, во-вторых, в свете тех культурных чешско-русских связей, которые установились к середине XIX в. и нашли отражение в славяноведческой деятельности ученых Харьковского университета.

О славистических традициях Харьковского университета следует говорить еще с тех пор, когда по инициативе П. П. Гулака-Артемовского (и при поддержке попечителя Харьковского университета графа Ю. А. Головкина) в университете впервые стали изучать и преподавать польский язык, а через некоторое время Советом университета было принято решение посылать за границу наиболее перспективных преподавателей-славистов для практического изучения «славянских наречий и их литератур». За границей в славянских землях с ученой целью побывали И. И. Срезневский, П. А. Лавровский, М. С. Дринов и др. [7].

Поскольку приобретение книг из коллекции В. Ганки связано с именем проф. П. А. Лавровского, его поездкой за границу и с именем В. Ганки, знаменитого чешского слависта, Почетного члена Харьковского университета [5, с. 11], остановимся подробнее на этом важном фрагменте из истории Харьковского университета.

Как явствует из «Биографического словаря профессоров и преподавателей Харьковского имп. Университета» М. Г. Халанского [7, с. 8], П. А. Лавровский занимал кафедру славяноведения в Харьковском университете с 4 сентября 1851 г. по 1868 г., т. е. до 1869 г., когда он был избран ректором Варшавского университета. С 1859 по 1861 гг. П. Лавровский как ординарный профессор Харьковского университета

находился за границей (в славянских землях), куда он был направлен с высочайшего соизволения на полтора года для практического изучения славянских языков [5]. В Праге П. Лавровский познакомился В. Ганкой, который в Праге «был центром, куда... обращались все русские» [2, с. 70], исполняя на общественных началах обязанности библиотекаря Чешского музея. От В. Ганки П. Лавровский и получил коллекцию книг, о которых здесь идет речь. «...Замечательно собрание старопечатных Славянских книг, купленных за границую профессором П. Лавровским, большею частию из библиотеки В. Ганки», — значится в «Отчете... Харьковского имп. Университета за 1860–1861 акад. год» [5, с. 22]. В. Ганку и П. Лавровского связывала искренняя и теплая дружба, и здесь большую роль сыграл не столько высокий профессионализм двух ученых, сколько сходство их характеров: П. Лавровский был мягким, снисходительным человеком, и В. Ганка была, по словам Лавровского, преимущественно «человек сердца» [2, с. 71]. Именно в интерпретации П. Лавровского, т. е. в свете **сочувствия** русских своим славянским собратьям в эпоху чешского Возрождения, мы и можем составить себе мнение о личности В. Ганки, человека «с пещной всеславянской душой» [2, с. 69], истинного патриота своей родины, который в дружбе с русскими видел подлинное возрождение чехов, веками изолированных от своих восточных собратьев. В описании П. Лавровского В. Ганка — это самоотверженный и неутомимый преподаватель и пропагандист русского языка в Праге как среди юношей, так и среди девушек; несмотря на препятствия сверху, пишет Лавровский, Ганка «принял сам на себя труд преподавать в университете [Пражском. — Р. Л.] русский язык» [2, с. 70]; для приезжих русских он был неутомимым гидом, с любовью рассказывал о Праге и обо всех ее достопримечательностях.

Будучи членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, В. Ганка вообще очень дорожил всеми знаками внимания к нему русского правительства. Так, например, отправляясь в театр, Ганка любил надевать бриллиантовый перстень, подаренный ему русским императором Александром I.

Главное же было в том, что чешский славист не мыслил возрождение чехов отдельно от России, от русских. Именно в России, пишет П. Лавровский, В. Ганка «видел спасение для целого славянства...» [2, с. 70]. В. Ганка мечтал приехать в Россию, пожить в Москве и, готовясь заранее к поездке, размещивал чешские деньги на русские полуимпериялы и, как все чехи, будучи небогатым, собрал 50 червонцев на дорогу. Однако эта мечта В. Ганки не сбылась из-за смерти ученого. Главным виновником смерти чешского слависта, как считает П. Лавровский, было австрийское правительство, которое не простило Ганке его любовь к русским, к русскому языку. С этой целью против В. Ганки был возбужден судебный процесс о подлоге «Краледворской рукописи» и «Суда Любуши»

[«Суда Либуше»]¹. И хотя В. Ганка был оправдан, его здоровье было подорвано переживаниями, которые он испытал во время судебного процесса. Для П. Лавровского смерть В. Ганки (31 декабря 1861 г.) была «ударом», как пишет он в статье «Воспоминание о В. В. Ганке» [2, с. 69], посвященной драгу.

Пребывание в славянских землях, дружба с В. Ганкой были весьма плодотворными для славистической деятельности самого Петра Лавровского в Харьковском университете. По возвращении на родину им были расширены и обогащены славистические курсы: так, кроме курса польского языка, в университете были введены и читались П. Лавровским специальные курсы из истории чешского народа, чешского языка и литературы, цикл курсов по практическому владению чешским языком на основе памятников, курсы сербо-хорватского языка и др. Были написаны и опубликованы научно-литературные статьи, из которых в плане нашего обзора и русско-чешских связей хотелось бы выделить статью «Мысли Русского о значении службы чехов при университетах Русских. Письмо в Прагу» [3]. (Она была переведена на чешский язык и опубликована в газете «*Na'rod*», Ł 1865, № 127–130).

В этой статье П. Лавровский пишет о необходимости творческого сотрудничества российских и чешских ученых. Основание для такого сотрудничества П. Лавровский видит в значительных успехах чехов, достигнутых ими за годы возрождения, когда, по словам П. Лавровского, чехи выросли как интеллектуально, так и нравственно, показывая живучесть славянской породы в условиях немецко-австрийского гнета. Статья была написана в связи с приглашением в Россию на постоянную службу г. Эйзельта в 1864 г. в качестве профессора медицины, которого чешские студенты не захотели отнискать из Праги, считая, что Эйзельт больше нужен на родине. В связи с Эйзелем П. Лавровский вспоминает о самом первом чешском ученом, самом первом дебютанте, проф. Лямбле, который, как и Эйзельт, был приглашен на службу в Харьковский университет в 1860 г. и ради которого Россия не постыдилась выслать «в Прагу свое золото» [3, с. 378]. В статье П. Лавровский противопоставляет наемным чужеземцам, немцам и французам, — чехов как славян, считая, что чехи полезнее для России, чем чужеземцы, которые смотрят на Россию только как «на дойную корову» [3, с. 377]. Приглашенных же чехов отличают высокие человеческие качества, развитое чувство служебного и общественного долга. П. Лавровский настаивает на приезде г. Эйзельта

¹ В современном славяноведении сложилось проверенное мнение о том, что оба памятника — замечательные образцы братского славянского фольклора. В. Ганка ни в одном из своих сочинений не смог подняться до их уровня [4, с. 29]. В. Ганку обвиняют в имитации названных двух памятников как образцов чешской поэзии, хотя сделал он это из патристических побуждений.

в Харьков, объясняя это тем, что чехам крайне опасно оставаться в изоляции от славянского мира в интересах окончательной победы чешского возрождения. Ведь возрождение чешского народа, по его мнению, — это не только университетское образование молодежи, но и просвещение вообще, умение осмыслить свой исторический опыт, посмотреть в будущее и, вместе с этим — признать определенную силу «векового и массивного неприятеля» [3, с. 379], т. е. Австро-Венгерской империи. И чехам, чтобы вырваться из-под гнета австрийского правительства, необходимо быть весьма умными и постоянно помнить, пишет П. Лавровский, пословицу славного Забоя (эпического героя «Краледворской рукописи»): «когда хочешь стереть гада, то наступи ему на голову» (*kdas hada potrietí chceš, na hlavu mu najstěje*) [3, с. 380]. Анофеоз статьи — это мысль П. Лавровского о единении славян, о тех деятелях чешского возрождения, которые «с первой мыслью о возрождении своего народа связали мысль о взаимности славянской...» [3, с. 380].

ОБЗОР КНИГ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В. ГАНКИ

В коллекцию книг, переданных В. Ганкой П. Лавровскому, вошли издания с типографской пометой «Z Hankových» на чешском, немецком и латинском языках, отражая историко-политический статус чешского народа. Книги коллекции относятся к I и II периодам чешского возрождения, если следовать условной, 3-этапной, периодизации чешского возрождения, принятой в научной литературе¹. В связи с данной периодизацией чешского возрождения следует заметить, что во все его чрезвычайно актуальными были вопросы развития чешского национального языка, без возрождения которого невозможна была общественная и политическая эмансипация чешского народа. Ведь австрийское правительство, дом Габсбургов, в отношении покоренной Чехии (с 1620 г.) проводило жесткую политику насильственного опемеживания и олатыпивания населения. Особенно плачевным было состояние чешского языка и литературы в I период чешского возрождения (конец XVIII в. и до 1828 г.), когда на чешском языке не писали и не издавали никаких книг, а носителем национального языка оставалось только сельское население. Й. Юнгманн, вернувшись домой на каникулы в деревню из немецкого учебного заведения, не мог изъясниться с родителями по-чешски [4, с. 10].

Все эти обстоятельства заставили передовых деятелей чешского возрождения, демократическую интеллигенцию выработать и сформулиро-

¹ См. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — Т. XXXVIII-а. — СПб., 1903. — С. 797: «I период — это конец XVIII в. и до 1820 г., II период — с 1820 г. до 1848 г., III — с 1848 г. до посл. времени». Ср. хронологические рамки чешского Возрождения у С. В. Никольского: с конца XVIII в. до 60-х годов XIX в. [4, с. 7].

вать программу возрождения национального языка, принять меры к созданию национальной периодики, заняться переводами с немецкого и латыни на чешский (для демократизации лексик).

Обзор коллекции В. Гайки следует начать с книг исторического содержания. Важность их для чешского Возрождения заключалась, на наш взгляд, в том, что, читая их, легко было сопоставить характер

правления прежних чешских королей, как и положение народа, с ненавистной для чехов нынешней властью австрийской династии. Среди таких книг коллекции в первую очередь следует назвать шеститомные «Анналы Гайка», написанные на заре чешского Возрождения Геласием Добнером, первым видным деятелем чешского Возрождения, основоположником исторической критики, пиаристом, на латинском языке (см. *Gelasius D. «Annalium Hagecianorum animadversionibus historico-chronologico-criticis emendatorum...» — Pars I–VI. — Pragae, s. a., 1763, 1765, 1772, 1777, 1782*) [12].

«Анналы...» повествуют о чешских королях (Владиславе II, VI, XII, Собеславе VI, Фредерике III и др.) и представляют собой различные наблюдения Геласия: исторические, хронологические, генеалогические, дипломатические и др. — с точки зрения критики Гайка, именем которого анналы названы. Критический подход Геласия к фактам, изложенным В. Гайком, позволил Геласию уже в Предисловии к «Анналам» ... открыто заявить, что «*Haec Hageciāna peccata est*», т. е. что «Эта хроника Гайка — грешная», поскольку многие факты не объясняются должным образом, скрыты. «Анналы» представляют собой образец яркой и добросовестной исторической критики Геласия-пиариста. Далее следуют «Две хроники о возникновении Чешской земли, ее первых жителях, ... князьях... об их деяниях...», списанные с латыни Сильвия Сененского, переведенные на чешский язык, а затем исправленные, обновленные, объединенные в одну книгу и изданные Данилом Адамом (см. Danĕl A. «*Kronikŭ Dwě o založenij země Čzeské a privnijich obywatelich gegich, tĕzo knijzatech ... gegich činech S. Senenskeho v Latinskem yazyku od něho sepsána z nowu sprawĕnĕ, obnowĕné a pak v gednu knihu uwĕdené pracý a nakladen*» K. Danĕle Adama...» — Leta Pan, 1585) [11].

В числе исторических книг коллекции нельзя не упомянуть также «Еврейскую историю» В. Плацеля, изданную на чешском языке, где подняты для переосмысления новым временем вопросы веры, коварства власти и необходимости законов (см. главы «О царе Ироде», «Об импе-

паторе Юстиниане»... — Placel W. «Historia zidowska» ...na knihy čtŕnř rozdělená... — 1592) [16].

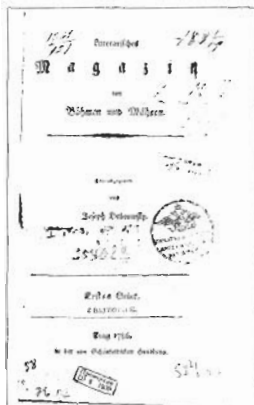
Обратили на себя внимание в коллекции В. Ганки книги о проблемах чешского языкознания, чешской литературы, лексикографические труды, ознаменовавшие всплеск национального самосознания чешской демократической интеллигенции в обстановке онемечивания и забвения родного языка. Здесь следует назвать работы Й. Добровского, Э. Воцела, Й. Шумавского (псевдоним Й. Франты), а также злободневные для чешского Возрождения сочинения Я. А. Коменского.

В коллекции представлены две работы выдающегося деятеля I периода чешского Возрождения, «патриарха славистики» Й. Добровского: экземпляр этнографического сборника «Slovanka» (Prag, 1814) на немецком языке и 3 издания «Litterarisches Magazin von Böhmen und Mähren» (1786, 1786, 1787 гг.), «Литературного журнала чехов и моравов», объединенные в одной книге — конволюте, на немецком, чешском и латинском языках [9 и 10].

Обозревая работы Й. Добровского, следует помнить, что он был блестящим филологом, богословом по образованию; его взгляды как деятеля чешского Возрождения, «будителя» сложились под влиянием идей В. Ганки и Й. Юнгманна. В 1792 г. Добровский посетил с научной целью Москву и Петербург, избирался почетным членом Петербургской Академии наук, именно он поставил чешское языкознание на строго научную основу, был русофилом в вопросах развития чешского языка.

В подзаголовке к сборнику «Slovanka» Добровский изложил программу развития чешского национального языка: «Zur Kenntniss der alten und neuen **slavischen Literatur, der Sprachkunde nach allen Mundarten, der Geschichte und Alterthümer**» («К познанию старых и новых славянских литератур, языковедения со всеми наречиями, истории и древностей»). Русофильские взгляды Добровского очевидны из раздела «Neue Beiträge zu den **Petersburger Vocabulariis Comparativis**» [10, с. 12–16], или «Новый вклад в петербургские сравнительные словари», где он пишет о необходимости правильного словоупотребления при переводе немецких слов на чешский язык (для замены немецких слов чешскими), рекомендуя руководствоваться сравнительными словарями, изданными в Петербурге, которые, в свою очередь, могут быть пополнены его переводами.

В первое издание «Литературного журнала чехов и моравов» (Прага, 1886) включен интересный раздел «Allgemeine böhmische Bibliothek» («Общее достояние чешской библиотеки») [9, с. 1–62], где Добровский пишет о книгах религиозного содержания, чешских, немецких, латинских, как общем достоянии национальной чешской библиотеки и о пользе

чтения вообще для восстановления чистоты национального языка. В третьем издании «Litterarisches Magazin von Böhmen und Mähren» Добровский помещает материал на чешском языке о необходимости постоянных упражнений на родном языке и о тщательности переписывания по-чешски [9, с. 143]; здесь же был опубликован целый ряд сообщений, в том числе и о защите богословской диссертации Й. Добровским на тему «De antiquis Hebraeorum Characteribus» (1783), или «О древних еврейских», на латинском языке, что свидетельствовало о преуспевании Добровского на богословском поприще.

В коллекции В. Ганки представлена работа выдающегося чешского педагога XVII в., «отца новой педагогики» Я. А. Коменского (1592–1670) «Janua Linguarum, reserata aurea» (1774) с переводом на чешский язык (ср. «Zlata' bra'na gazykůw otewřená»), то есть «Открытая дверь языков золотая», актуальная для чешского Возрождения своим протестом против схоластического характера обучения языкам. Кроме этого, по нашему мнению работа Коменского формирует интересный взгляд на дальнейшее развитие чешского языка. Для понимания ее сущности необходимо вспомнить, что автор был одним из руководителей секты «моравских братьев», борющейся против немецких феодалов. Выдающийся педагог, Коменский был поборником просвещения для простых людей, считая, что все люди от рождения наделены определенными способностями, которые надо развивать с помощью продуманных, рациональных методов. Как педагог Коменский особое значение придавал латыни в деле гуманитарного воспитания молодежи, много работая над усовершенствованием учебников латинского языка.

«Janua Linguarum, reserata aurea» представляет собой Словарь перевода основной латинской лексики, или «Latinae Compendiosae», на чешский язык и с чешского языка на немецкий. Из этого следует, что чешский язык (как язык большинства простого населения Чехии) становится посредником при словарном изучении латыни и немецкого,

в понимании Коменского. В таком подходе сказались, думаем, повторские и демократические взгляды Коменского на изучение языков: латынь и немецкий изучаются не изолированно, а с включением чешского языка (и для него самого).

В Словаре описана латинская лексика основных областей человеческого знания (совместно с ее переводом): общегуманитарная, церковная, медицин-

ская, быговая, экстрасенсорная (наряду с идиомами), толкование которой достигается с помощью богатой синонимии на трех языках [8].

Итак, работа Я. А. Коменского «Открытая дверь языков золотая» декларирует принципы доступности обучения языкам, с одной стороны, с другой — она раскрывает перспективы развития чешского языка во взаимодействии с немецким языком и латынью. Так что работа Коменского, как и сама личность ее автора, импонируют духу чешского Возрождения.

И в заключение обзора книг о состоянии чешского языкознания в I–II периоды чешского Возрождения в коллекции В. Ганки следует назвать лексикографические труды, или обратные немецко-чешские и латино-чешские словари, отразившие общую для этих периодов чешского Возрождения тенденцию к демократизации лексики (как переводу, толкованию немецких и латинских слов на чешский язык. Заметим, что пока речь не идет о пуристических заменах иностранных слов сугубо славянскими словами). В коллекции представлены: 2-томный «Немецко-чешский словарь» Йозефа Шумавского (см. *Šumavský J.* «Deutsch – Böhmisches Wörterbuch». — Prag, 1844) [18] и «Латино-чешский словарь» (для пользы и благодарности учащейся молодежи Богемии) Р. Парохуса (см. *Parochus R.* *Dictionarum Latino – bohemicum in usum et gratiam studiösae iuventutis Bohemicae.* — Impresum Olomouci, 1560) [15].

О литературе II периода чешского Возрождения в коллекции В. Ганки можно судить из пьесы Эразима Воцела «Лабиринт славы», изданной на чешском языке (см. «*Labyrint slawy*» od E. Wocela. — w Praze, 1846) [20]. Работу следует расценивать как пример подражания лучшим образцам немецкой классической литературы, в частности, Гётевскому «Фаусту». Об этом сказано в Предисловии: «*Baseň Götthowa žije na věky...*» [20, с. 12]. Автор, обращаясь к образу Фауста Гёте как «зеркалу осуждения человека» (см. «*...Faust jest zrcadlo osudu člověka*») [20, с. 12], порицает его за чрезмерное стремление к славе ценой утраты веры, надежды и любви. В пьесе поставлен вопрос о взаимоотношении личности и народа в переломные периоды жизни нации. Стремление к славе Э. Воцел называл «лабиринтом», выход из него — единение с народом.

В коллекцию В. Ганки вошли также другие книги: о достижениях точных, естественных наук в Богемии (см. *Sternberg K.* *Abhandlung über die Pflanzenkunde in Böhmen.* — Praga, 1817, или «Сочинение о ботанике в Богемии» Каспара Штернберга); книги страноведческой направленности

(см. «Die Reisen des Benezianers Marco Polo». Kommentar von A. Bürk nebst zusassen und Berbetterungen K. Neumann. — Leipzig, 1845, или «Путешествие венецианца Марко Поло» Комментарий Августа Бюрка вместе с резюме и исправлениями К. Ф. Неуманна), книги религиозного содержания (см. «Kancynal» — Kniha zalmů a Písni duchowních (k chwalé Boží). — Amsterodant, 1659, или «Канционал» — Книга псалмов и песен духовных (для хвалы Богу). — Амстердам, 1659), книги авантюрного жанра (см. «Přihody Wacslawa Bratislawa... z Mitrowic...» — Praga, 1777, или «Приключения Вацлава Братислава из Митровиц»); книги, полезные для сельского хозяйства («Lomnická S. «Kratký Naučný mláděmu hospodání. — v Praze, 1794, или «Краткое руководство молодому хозяину» С. Ломницкого) и др. [18, 17, 13, 14].

Надеемся, что представленный обзор коллекции В. Ганки прежде всего сформирует целостное представление о чешском Возрождении как о подъеме, охватившем все сферы общественной жизни Чехии.

С другой стороны, обзор книг, представленных в коллекции В. Ганки, позволяет (пусть фрагментарно) судить об определенных путях развития чешского языка и литературы в I и II периоды чешского Возрождения.

Так, в I период чешского Возрождения Й. Добровским была сформулирована программа развития чешского литературного языка, возрождение которого было продиктовано насущными вопросами общественной и политической эмансипации чешского народа. Выполнение ее в условиях засилья немецкого языка было возможно лишь в опоре на русский язык как наиболее развитый в славянском мире того времени. Отсюда тенденции русофильства в трудах Добровского и других «будителей», обмен творческим опытом российских и чешских ученых.

Общей тенденцией развития языка в I–II периоды чешского Возрождения стала тенденция к демократизации лексики как переводу, толкованию немецких и латинских слов на чешский язык. В связи с этим — постановка лексикографических проблем в популярных периодических изданиях, учреждение национальных журналов, издаваемых не только на немецком, но и на чешском и немецком языках, наконец, выпуск в свет немецко-чешских и латинско-чешских словарей. Большую популярность приобретает работа Я. А. Коменского «Открытая дверь языков» как Словарь перевода латинской лексики на чешский язык и с чешского на немецкий.

Чешская художественная литература II периода чешского Возрождения, насколько нам позволяет судить коллекция, осваивала опыт более развитых европейских литератур, в частности, опыт немецкой классической литературы (Гете). Общим достоянием национальной чешской библиотеки признается религиозная литература на чешском, немецком и латинском языках.

I период чешского Возрождения заявил о себе выдающимися трудами исторической литературной критики Геласия Добнера, написанными

ми по-латыни. Наиболее значительная историческая литература, касающаяся происхождения чешской земли, издана на чешском языке, а также в переводе с латинского языка на чешский.

Литература

1. Брокгаузъ Ф. А., Ефронъ И. А. Энциклопедический словарь. Т. XVII. — СПб., 1895; Т. XXXVIII-а. — СПб., 1903.
2. Лавровский П. Воспоминания о В. В. Ганке//Московские ведомости. — 1861. — № 9.
3. Лавровский П. Мысли Русскаго о значеніи службы чехов при уни-верситетах Русских. Письмо в Прагу//День. — 1865. — № 16.
4. Никольский С. В. Две эпохи чешской литературы. — М., 1981.
5. Отчет о состояннии деятельности имп. Харьковского университета за 1860—1861 акад. год.
6. Павленко О. В. Панславизм//Славяноведение. — М., 1998. — № 6.
7. Халацкий М. Г. Опыт истории историко-филологического факуль-тета имп. Харьковского университета. — Х., б. г.
8. Comenius J. A. «Janua Linguarum, reserata aurea». — 1774.
9. Dobrotsky J. «Litterarisches Magazin von Böhmen und Mähren». — Prag, 1786—1787.
10. Dobrotsky J. «Slovanka». — Prag, 1814.
11. Danyl A. «Kronikę Dwę o zalożenij země České a prvnijich obywatelich gegich, tžeo knijzatech ... gegich činech S. Senenskeho, v Latinskem yazyku od něho sepsána z nowu sprawěně. obnowne a pak v gednu knihu uwdenň pracy a nakladem K. DanKle Adama...» — Leta Paně, 1585.
12. Gelasius D. «Annalium Hagecianôrum animadversîonibus historico-chronologico-criticis emendatôrum...» — Pars I—VI. — Pragae, s. â., 1763, 1765, 1772, 1777, 1782.
13. Kancynonal (Kniha žalmů a Pisni duchownich (k chwalé Bozi). — Amsterodant, 1659.
14. Lomnický S. «Kratké Naučení mladému hospodaři. — v Praze, 1794.
15. Parochus R. Dictionarium Latino — bohemicum in usum et gratiam studiôsae iuventibus Bohemicae. — Impressum Olomouci, 1560.
16. Placel W. «Historia zidowska» ... na knihy čtyry rozdelená — 1592.
17. «Die Reisen des Benezianers Marco Polo». Kommentar von A. Bürk nebst zusassen und Berbetterungen K. Neumann. — Leipzig, 1845.
18. Sternberg K. Abhandlung über die Pflanzenkunde in Böhmen. — Prag, 1817.
19. Šumavsky J. «Deutsch — Böhmischer Wörterbuch». — Prag, 1844.
20. Wocel E. «Labyrint slawy». — w Praze, 1846.